

МАСТЕР, ЖИЗНЕЛЮБ, МУДРЕЦ

ТО БЫЛО 250 лет назад. В Авлабаре, армянском предместье Тбилиси, в семье ремесленника Карапета Саядяна родился сын Арутин. В двенадцать лет он стал учеником ткача, в шестнадцать — овладел грамотой, в двадцать — ушел странствовать в далекие земли Востока.

Природа щедро наделила Арутина музыкальным слухом, голосом, памятью и ораторским даром. Он умел играть на всех восточных музыкальных инструментах и говорил на многих языках: армянском, азербайджанском, грузинском, турецком, персидском, арабском.

Народы Закавказья узнали Арутина Саядяна под именем Саят-Новы. Он вернулся из странствий настоящим поэтом, мастером огнедышащего слова. Он стал одним из лучших ашугов — народных певцов-музыкантов. Его стихи о любви, едва слетев с уст поэта под звуки кяманчи (восточной разновидности скрипки), превращались в народные песни, становились теми единственными словами, с которыми юноши обращались к любимым на всем пространстве от Дербента до Карса, от Тбилиси до Вана.

Но не только о любви пел Саят-Нова. Он жил в суровое, трагическое время, когда феодальное ярмо с беспощадной силой давило народы Кавказа. Поэта преследовали и травили правители княжеств, завистники и придворные льстецы, религиозные ханжи и фанатики — все те, кого он называл «порожденьями лука и чеснока, возмнившими, что они ананасы». Враги заставили поэта отказаться от мирской жизни, оставить любимую кяманчу, стать монахом в отдаленном армянском монастыре.

*Рясы с черной каймой не хочу совсем.
Хлеб и соль есть с тобой не хочу совсем! —*

гордо писал Саят-Нова, обращаясь к грузинскому царю Ираклию, который обрек поэта на монашеский удел.

Два столетия отделяют нас от дней Саят-Новы. Но с годами не меркнет, а растет его слава.

*Что мне помнить о минувшем! Новых берегов
ищу.*

*Мир цпопшим! Тех, кто ныне мне внимать готов,
ищу! —*

говорил он. И с каждым десятилетием ширится круг тех, кто готов внимать ему.

Саят-Нова слагал свои песни не только на армянском языке. Он их писал и на грузинском, и на азербайджанском, которыми владел, как родным.

Его поэзия — живое воплощение содружества народов Закавказья, которое в наши дни стало осуществленной мечтой, зримой реальностью.

По решению Всемирного Совета в этом году ролюбное человечество празднует в этом году 250-летие со дня рождения мальчика из Авлабара, народного поэта, мастера, жизнелюба и мудреца.

ПЕЙСАХ БИНЕЦКИЙ

ИБРАГИМ

СОНЕТЫ

Пейсах Бинецкий — современный прогрессивный израильский поэт, активно сотрудничающий в демократической прессе. В цикле его сонетов «Ибрагим», посвященном «другу-арабу, томящемуся в израильской тюрьме», нашло отражение чувство гневного протеста против антинародной политики правителей Израиля. Лейтмотив цикла — призыв к дружбе между арабами и евреями во имя демократического обновления страны.

Мы публикуем два сонета Пейсаха Бинецкого.

* * *

Мой друг, иссечена твоя спина,
нам жизнь дарит не пальмы и не розы,
а тюрьмы и безжалостные розги.
Как и твоя, в рубцах моя спина!

Жить все трудней. Да что там жить —
дышать!
В тюрьме все больше слепну я и
глохну.
Мне кляпом палачи заткнули глотку,
Чтоб говорить не мог я и дышать.

Один у нас с тобою злобный враг,
одно ярмо у нас с тобой на шее.
И разница большая неужели
есть в том, что я еврей, а ты — араб!
Судьба у нас одна, и ты — не раб,
И мы сильнее, чем наш с тобою враг!

* * *

Горжусь тобою, брат мой, Ибрагим,
ты — горн, ночную темень
раздробивший,
зарю свободы гордо протрубивший...
Народ с тобою, брат мой, Ибрагим!

Евреи ли, арабы — братья мы,
нам за борьбу смелее надо браться.
Народов трудовых святое братство
своей отвагой укрепляем мы.

Народная высокая любовь
к тебе, герой и мученик, нетленна,
она пройдет сквозь все глухие стены.
Не зря из наших ран сочится кровь.
Все победят, воспрянув вновь и вновь,
сердца и руки, братство и любовь!

Перевел Алексей Заурих